




Дмитрий Несветов



СССР. КОНЧИНА

ЧТО ЭТО БЫЛО?

СЕРГЕЙ СТАНКЕВИЧ, АЛЕКСАНДР РУЦКОЙ, СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ, РУСЛАН ХАСБУЛАТОВ, ВИКТОР АЛКСИС,
ВАСИЛИЙ СТАРОДУБЦЕВ, ВАЛЕНТИН СТЕПАНКОВ, НИКОЛАЙ РЫЖКОВ, ЮРИЙ ПРОКОФЬЕВ, СЕРГЕЙ БАБУРИН,
ЛЕОНИД КРАВЧУК, ГЕННАДИЙ БУРБУЛИС, СТАНИСЛАВ ШУШКЕВИЧ, ЛЕОНИД МЛЕЧИН, АНДРЕЙ НЕЧАЕВ,
ЛЕВ АННИНСКИЙ, ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ

Дмитрий Несветов

Кончина СССР. Что это было?

«Издательство АСТ»

2016

УДК 94(092)(100)

ББК 63.3(0)-8

Несветов Д. А.

Кончина СССР. Что это было? / Д. А. Несветов — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100406-4

25 декабря 1991 года в 19 часов 38 минут над куполом Сената Московского Кремля был спущен флаг Союза Советских Социалистических Республик. А на следующий день там же, в Кремле, сессия Совета Республик Верховного Совета СССР приняла декларацию о формально-правовом роспуске Советского Союза. Так тихо, почти буднично, завершилась 70-летняя история последней империи XX века. С тех пор минуло два с половиной десятилетия – целое поколение... Чем дальше во времени мы удаляемся от тех дней, тем теплее относимся к теням почившей державы. Тем чаще и увереннее слышим вокруг о крупнейшей геополитической катастрофе применительно к событиям двадцатипятилетней давности. А это уже недобротворное и мироточивое свойство человеческой памяти, это – признак обманутых ожиданий и неисцеленного недуга. Это диагноз сегодняшнего времени. К прошлому тянутся тогда, когда в настоящем не все ладно.

УДК 94(092)(100)

ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-17-100406-4

© Несветов Д. А., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

О чем это...	6
1	8
Диалог первый	8
Диалог второй	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Александрович Несветов

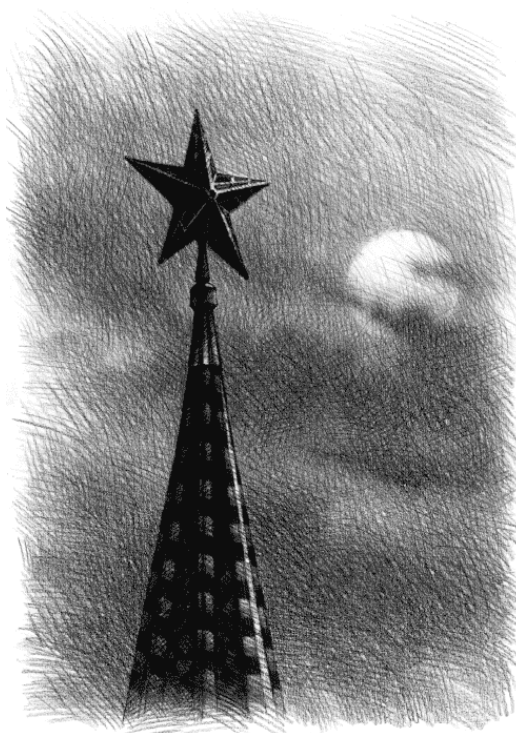
СССР. Кончина. Что это было?

Историко-публицистический цикл диалогов, воспоминаний и суждений

*К 25-летию распада Союза Советских Социалистических
Республик*

© Д. Несветов, текст

© ООО «Издательство АСТ»



26 декабря 1991 года на 69-м году жизни в собственном имени после продолжительной болезни тихо скончался Союз Советских Социалистических Республик.

Последняя империя в истории размером в одну шестую часть суши. Стройплощадка царства справедливости и освобожденного труда. Ристалище номенклатуры и порока. Светоносная держава – собирательница земель и народов. Империя зла и угроза миру...

Годы жизни: декабрь 1922 (хотя многие считают – октябрь 1917) – декабрь 1991 (хотя многие считают – август 1991). А некоторые вообще полагают, что усопший, государю Александру Павловичу (Благословенному) подобно, не скончался вовсе, а, сменив в мятежную годину имя и облачение, незримо с нами.

Что это было? А ведь случилось-то на нашей памяти – одно поколение назад. И чем обернулась для каждого из нас, для страны, для истории эта странная смерть?..

О чем это...

25 декабря 1991 года в 19 часов 38 минут над куполом Сената Московского Кремля был спущен флаг Союза Советских Социалистических Республик. А на следующий день там же, в Кремле, сессия Совета Республик Верховного Совета СССР приняла декларацию № 142-Н о формально-правовом роспуске Советского Союза. Так тихо, почти буднично завершилась 70-летняя история последней империи XX века.

А за полгода до тихой кончины большой страны случилось другое примечательное событие. Ранним утром 19 августа того же 1991 года все теле- и радиостанции Советского Союза начали передавать некое заявление некоего советского руководства, из которого явствовало, что группа высокопоставленных должностных лиц СССР по основаниям физической немощи М. С. Горбачева отстраняет его от должности президента, вводит в стране чрезвычайное положение, а сама группа в видах «эффективного управления» объединяется в Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП СССР) и начинает энергично выводить отчизну из глубокой комы. В течение трех неполных и довольно суетливых суток новорожденный комитет обернулся новопреставленным, а его деятельные застрельщики оказались в следственном изоляторе «Матросская Тишина» по подозрению в государственной измене и заговоре с целью захвата власти.

Принято считать, что эти два события накрепко связаны и первое есть неминуемое следствие и единственно возможный исход второго. Но что-то между тем подсказывает, что не все так линейно в истории, особенно в истории мятежного XX века, знаковый финал которого обычно ассоциируется с эффектной, но не слишком триумфальной кончиной СССР.

С тех пор минуло два с половиной десятилетия – целое поколение. Казалось бы, к чему вспоминать? Беречь чьи-то безвозвратные потери, душевные раны и несбывшиеся надежды на жизнь новую? Да к тому, что, во-первых, вспоминать полезно – прошлое нуждается в осмыслении. А во-вторых... Чем дальше во времени мы удаляемся от тех дней, тем теплее относимся к теням почившей державы. Тем чаще и увереннее слышим вокруг о крупнейшей геополитической катастрофе применительно к событиям 25-летней давности. А это уже не добротворное и мироточивое свойство человеческой памяти, это – признак обманутых ожиданий и неисцеленного недуга. Это диагноз сегодняшнего времени. К прошлому тянутся тогда, когда в дне нынешнем не все ладно.

Настоящее многоголосое и сложносоставное исследование собственно про это. Не столько о том, что и почему случилось с огромной страной, окончившей свою историю 25 лет назад, хотя свидетельства и суждения участников и очевидцев событий самоценны, сколько о том, что случилось со всеми нами...

Каждый раздел исследования составлен из диалогов, записанных в 2011 году – к 20-летию распада СССР, с реальными участниками и свидетелями тех событий, а также из фрагментов воспоминаний и суждений (книг, статей, интервью) десятков современников и непосредственных очевидцев этого исторического разлома.

В диалогах приняли участие: Сергей СТАНКЕВИЧ, Александр РУЦКОЙ, Сергей ФИЛАТОВ, Виктор АЛКСНИС, Валентин СТЕПАНКОВ, Василий СТАРОДУБЦЕВ, Руслан ХАСБУЛАТОВ, Николай РЫЖКОВ, Сергей БАБУРИН, Леонид КРАВЧУК, Станислав ШУШКЕВИЧ, Геннадий БУРБУЛИС, Юрий ПРОКОФЬЕВ, Лев АННИНСКИЙ, Владимир БУКОВСКИЙ, Андрей НЕЧАЕВ, Леонид МЛЕЧИН.

В исследовании приведены фрагменты воспоминаний и свидетельств М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, Е. Т. Гайдара, А. С. Черняева, В. И. Варенникова, Г. Х. Шахназарова, Л. Е. Суханова, Г. А. Явлинского, В. В. Леонтьева, У. Кейси, З. Бжезинского, М. Джиласа, М. С. Восленского, А. И. Солженицына и многих других политиков, публицистов, историков, поли-

тологов, культурологов, экономистов, а также хроника самых знаковых событий периода позднего СССР 1985–1991 годов.

В финальном разделе исследования предложена развернутая версия авторской позиции в части оценки причин и природы обрушения СССР, которая построена во многом на материалах самого исследования и составляющих его диалогов и воспоминаний и которая заметно расходится с востребованной сегодня официальной точкой зрения на события четвертьвековой давности.

Советский проект завершился, потому что исчерпал себя социально, экономически, идеологически, а главное – исторически. Такова была его генетическая природа. Распад СССР просто восстановил историческую логику. Ничего более. Мы еще легко отделались...

Каждому из тех, кто застал СССР, рано или поздно придется определиться в собственном отношении к стране своего рождения и тем самым ответить: кто мы?, что с нами сегодня?, и главное – отчего?, почему именно так? Это не блажь. Это необходимость. Собственно, этим исканиям и посвящено это исследование.

Автор не претендует на объективность в оценках и выводах. Только приглашает к совместному осмыслению и рефлексивному рассуждению о судьбе страны, о ее настоящем и будущем. И о выборе каждого из нас ради этого будущего. Будущего, которого, как мы знаем, нет без прошлого...

Дмитрий НЕСВЕТОВ

Радиоверсия этого исследования прозвучала в эфире радиостанции «Финам-ФМ» в сентябре – декабре 2011 года.

Сергей Борисович Станкевич

Политик и историк

В те годы народный депутат СССР, первый заместитель Председателя Моссовета, государственный советник РСФСР, советник Президента Российской Федерации, депутат Государственной думы первого созыва.

Перед августом. Предпосылки

Хроника

11 марта 1985 г.

Михаил Сергеевич Горбачев избирается Генеральным секретарем ЦК КПСС и становится фактическим **главой государства**.

Май 1985 г.

Старт **антиалкогольной** кампании в СССР.

8 апреля 1986 г.

Во время своего выступления в Тольятти М. С. Горбачев **впервые** произносит слово «перестройка».

26 апреля 1986 г.

Авария на **Чернобыльской АЭС**.

Весна 1986 г.

Обвал мировых цен на нефть и нефтепродукты.

Декабрь 1986 г.

Академику и правозащитнику *А. Д. Сахарову* разрешено вернуться **из ссылки** в Москву.

19 ноября 1986 г.

Принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» – первый реальный законодательный акт властей в направлении движения к **либерализации** экономической деятельности.

26 мая 1988 г.

Принят закон «О кооперации в СССР», открывающий **частному сектору** возможность экспансии в советскую экономику. Большинство кооперативов создаются при государственных предприятиях.

6 июля 1988 г.

Принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О расширении внешнеэкономической деятельности ВЛКСМ» – научно-технические, творческие центры молодежи и организации, контролируемые выходцами из **комсомольской элиты**, получили законное право заниматься коммерческой, в том числе внешнеэкономической, деятельностью.

Февраль 1988 г.

Начало межнационального конфликта в **Нагорном Карабахе**.

К лету 1988 г.

В Прибалтике, Армении, Грузии сформировались сильные **национально-ориентированные движения**. Эта волна быстро распространяется по СССР. Начало ей положили события в **Алма-Ате** в декабре 1986 г.: студенческие волнения в связи с назначением Первым секретарем ЦК КП Казахстана этнического русского – в них приняло участие около 10 тыс. человек.

13 мая 1988 г.

В газете «Советская Россия» опубликована статья Нины Андреевой «*Не могу поступиться принципами*», в которой содержится **резкая критика** идеологов перестройки за западничество и космополитизм и призыв отказа от реформ.

15 февраля 1989 г.

Афганистан покидает 40-я армия – последнее соединение Советской Армии, воевавшее в этой стране. **Окончилась** 10-летняя война.

9 апреля 1989 г.

Силовое подавление войсками оппозиционного митинга в **Тбилиси** (19 погибших, более 250 раненых).

Лето 1989 г.

По стране прокатилась волна **забастовок**.

Егор Гайдар «Гибель империи»

Шахтерские забастовки лета 1989 г., спровоцированные в первую очередь ухудшением условий снабжения населения угледобывающих регионов, наглядно показали советскому руководству, что дальнейшее ухудшение положения на потребительском рынке взрывоопасно.

Итак, в фокусе внимания то, что было перед августом, предпосылки, которые привели ко всем этим событиям. Сергей Борисович, для начала об оттенках того времени, которые вам больше всего запомнились, - чертах и мотивах конца 1980-х, той очень непростой, совершенно новой для нашей страны эпохи. Что вам показалось особенно значимым? Что бы вы считали чрезвычайно важным для понимания того, что случилось потом?

Вы знаете, для психологического восприятия очень важны, может быть, поверхностные, но поражающие воображение вещи. И конец 1980-х лично мне запомнился тем, что были абсолютно пустые полки в магазинах. У меня в 1986 году родилась дочь, поэтому и запомнились бесконечные проблемы с поиском самых элементарных вещей: поход в гастроном, пустые полки и длинные очереди, потому что там где-то фасуют сосиски синего цвета, а потом их начинают «выбрасывать» пачками на пустой прилавок, и люди тянут к ним руки, хватают, отталкивая друг друга. И безумное унижение от этой сцены – она до сих пор перед глазами. Люди, идущие по улицам... на шее – связка рулонов туалетной бумаги. Вы помните это, наверное?

Что может быть унижительнее для державы, которая считала себя великой и контролировала более чем половину мира на тот момент, если брать все круги влияния империи, не только самый ближний, – что может быть унижительнее этого?

И перспективы не было абсолютно. Дальше могло быть только хуже, потому что экономически этот колосс просто надрывался.

По прошествии вот уже стольких лет определили ли вы для себя (определили ведь наверняка!), что лежало в основе этого экономического «нестояния», которое стало слишком очевидным в конце 1980-х? И не только потому, что опустели полки в магазинах, но и в связи с тем, что в плане международном, как мы уже после узнали, возникла ситуация, в которой СССР не смог больше занимать ту же самую геополитическую позицию, удерживаемую им на протяжении всех десятилетий холодной войны. Так вот в чем, по-вашему, главные экономические или какие-либо другие причины, загнавшие большую страну в экономический коллапс?

Очень правильный вопрос. Надо понять, чем был СССР. СССР был глобальной идеологической державой, глобальной идеологической империей, точнее. Классическая империя существует для того, чтобы обеспечить процветание метрополии за счет ограбления ее колонии или во всяком случае за счет эксплуатации этой колонии, скажем мягче. Вот это классическая империя. Образец – Римская империя. Но СССР существовал не для того, чтобы обеспечить процветание хотя бы тех, кто живет на территории России, или тех, кто жил на территории Советского Союза. Нет, он существовал ради того, чтобы во всем мире восторжествовала коммунистическая идеология. Это было целью, и ради нее напрягались все экономические силы.

Даже внутри СССР происходило следующее: в адрес других 14 республик центральная республика, Российская, направляла все свои ресурсы. А по уровню социальных трансфертов на душу населения Россия была на последнем месте. Это была плата за лояльность этих республик, чтобы удержать их в зоне своего влияния и показать им выгоды этой идеологии.

Дальше второй круг – страны социалистического лагеря в Европе и Азии (в первую очередь Вьетнам). Туда тоже направлялись огромные ресурсы на безвозвратной основе. Это была плата за их лояльность, за социалистический выбор.

Ну и наконец, многочисленные режимы в Азии, Латинской Америке, которые колебались между капитализмом и социализмом. Чтобы склонить их на нашу сторону, самые разные, самые экзотические режимы получали бесконечную экономическую помощь, и все ради того, чтобы восторжествовала в глобальном масштабе коммунистическая идеология. Вот именно этим колосс и занимался.

Памятником той эпохи у нас осталось 64 тысячи танков на 1999 год. 64 тысячи – я повторяю эту цифру. В 5 раз больше, чем у Соединенных Штатов Америки на этот период! Все они

так и пошли на переплавку, не дождавшись своего часа, глобального столкновения, к которому готовились. Две трети экономики Советского Союза работало напрямую на оборонный комплекс. Ни одна экономика, даже более прочная, чем советская, не выдержала бы такого испытания. В итоге мы зашли в тупик 1980-х годов и начали трудный поиск выхода.

Система позволяла примерно 80% граждан Советского Союза вести тихую, полностью предсказуемую жизнь на уровне чуть выше прожиточного минимума. Некий минимальный, скудный комплекс социальных благ, лучшим из которых было образование, причем очень приличное. И все.

Я хорошо понимаю, о чем вы говорите, потому как читал отчеты, скажем Госбанка СССР, перед самым августом 1991-го, когда уже совершенно очевиден был этот самый экономический тупик, особенно в потребительской сфере. И между тем почти безостановочно и в том же режиме, что и прежде, продолжали финансироваться какие-то экзотические далекие коммунистические партии, компартии развитых стран – Соединенных Штатов, Европы и так далее. Продолжалось, и вполне исправно, финансирование всевозможных идеологических структур вне Советского Союза.

Это я к тому, что ведь наверняка и в правительстве, и в ЦК, и в разных иных местах властной пирамиды попадались вполне разумные люди, которые понимали то, о чем вы сейчас говорили, и которые должны были сигнализировать или по крайней мере попытаться это как-то предотвратить. Почему инстинкт самосохранения, элементарного экономического самосохранения не остановил политическое руководство от принятия таких безумных для экономики страны, и не только для нее, решений и мер, которые привели к тому, к чему привели?

Или это была окончательная победа геронтократии, какое-то действительно массовое властное оглушение? Или всем было уже просто все равно? Вот вы, как человек, который позже оказался во власти, причем на центральных, значимых позициях, как вы можете это объяснить с властной точки зрения?

Демократии не было не только в самой стране, но и внутри Коммунистической партии. Инициатива не только не приветствовалась, а репрессировалась немедленно. Людей, которые могли усомниться в правильности генеральной линии, в лучшем случае исключали из партии, объявляли сумасшедшими или сажали как диссидентов. Система была построена по принципу такого военизированного ордена и не предполагала серьезных внутренних дискуссий.

Вы помните, что случалось с разными правыми и левыми уклонами, с фракциями? Их всех раздавили и обратили в лагерную пыль гораздо раньше, чем в 1980-е годы. К этому времени желающих уже почти не оставалось. Немногие голоса, которые раздавались, тут же подвергались репрессиям как диссидентские.

А кроме того, даже у думающей части всегда был выбор. Сохранение инерции в системе дает карьерную перспективу. Попытка остановить инерцию, даже если ты видишь, что она пагубна, – это прощание с карьерой. Трудный человеческий выбор, и никто на него не решался.

Каким-то чудом (я до сих пор не понимаю каким – видимо, это надо еще отдельно изучать) внутри Коммунистической партии, в самом ее руководстве, сформировалось реформаторское ядро, группа коммунистов-реформаторов во главе с Горбачевым. Очень небольшая и изолированная группа, которая решилась на этот поворот.

Но в итоге все эти чудесные начинания, по крайней мере в экономической части точно, она не нашла в себе духа и воли довести до конца. Но к этому мы еще вернемся.

А сейчас я хотел бы немного развернуть сюжет. Мы говорили (и в хронике тех лет об этом упоминается), что начиная с 1986-го года предпринимались правительственные инициативы по расширению экономической активности населения: закон о кооперации, закон об индивидуальной трудовой деятельности и так далее. Вы заметили тогда какие-то перемены? Да, понятно: пустые полки как итог и следствие плановой и авторитарным образом организованной экономики. Но тем не менее, в чем выразилась тогда, в конце 1980-х, вот эта новая активность? Чувствовалась ли она? Или в ней тоже были заметны элементы паразитизма на бестолковом устройстве всей экономической конструкции? Видели ли вы во всем этом зачатки неких новых процессов в экономическом укладе страны?

Надо понимать опять-таки, какой выбор стоял перед этими коммунистами-реформаторами, когда они взялись за свое трудное дело, почти безнадежное. Ведь что в итоге возникло в Советском Союзе? Эта система позволяла примерно 80% граждан Советского Союза вести тихую, полностью предсказуемую жизнь на уровне чуть выше прожиточного минимума. Некий минимальный, скудный комплекс социальных благ, лучшим из которых было образование, причем очень приличное. И все. Тем не менее это была предсказуемая, спокойная, тихая жизнь чуть-чуть выше прожиточного минимума.

Самодетельное население, население креативное – это всегда где-то 15–20%, которые способствуют развитию любого общества, ищут новаторские ходы, обеспечивают прорыв к какому-то новому качеству. А остальные приходят на работу, работают, вечером возвращаются домой и получают зарплату. Так развивается любое общество. Но у нас была подавлена вот эта креативная часть, которая могла бы что-то выдумать, организовать, обеспечить прорыв. В условиях советской экономики такой возможности не было: креативная часть полностью подавлялась, загонялась в лагеря по экономическим статьям или эмигрировала.

Первый шаг реформаторов был абсолютно правильный: попытаться вот эту активную часть, которая обеспечивает динамику экономического развития, чуточку освободить, выпустить из загона. Вы упомянули очень правильные вещи: индивидуальную трудовую деятельность, первую нишу, которую они открыли; закон о кооперации, важнейший закон 1988 года, который писал академик Тихонов¹. (Блестящая голова, самоотверженный очень человек, Тихонов писал, пробивал и был ярким сторонником кооперативного движения. Это во многом его заслуга, он был разработчиком и двигателем закона.)

Ну и вот тот самый закон или указ, который раскрепостил комсомольцев – самую, казалось бы, креативную в тот момент часть общества. В том и состоял замысел, чтобы эти 15–20%, которые могут придать нашей заскорузлой экономике динамику, получили какую-то возможность двигаться и работать. Это и было сделано.

Здесь опять-таки какие соблазны? Кто-то действительно попытался что-то реальное сделать: создавали инновационные центры, научно-технические центры, пытались что-то изобрести. Но очень многие, пожалуй, большинство, кинулись к легким деньгам, не зная, не будучи уверенными, надолго ли открыто окно. А может, его открыли недельки на две, на три или на год, а потом прихлопнут, убедившись в бесперспективности эксперимента? Поэтому никто далеко не планировал, никто не создавал длинных проектов, а кинулись все зарабатывать, пока это вдруг стало можно. Это с одной стороны.

¹ **Владимир Александрович ТИХОНОВ** (1927-1994) – действительный член Академии ВАСХНИЛ, доктор экономических наук, народный депутат СССР (1989-1991), член Президентского консультативного совета при Президенте Российской Федерации (1991-1993). Один из главных разработчиков Закона «О кооперации в СССР» (1988). *Здесь и далее — Прим. авт.*

С другой стороны, должно было возникнуть первоначальное накопление, потому что никакого функционирующего капитала в стране не было. Поэтому, может быть, отчасти это и было вынужденной формой первоначального накопления – такое немножко наивное, ускоренное «рвачество» первых кооперативов.

Еще один очень важный вопрос в этом тематическом поле. Сейчас много говорят о том, что мы именно тогда упустили свой шанс «китайского пути». Как вы считаете, реален был для нас «китайский путь» тогда и реален ли он для нас в принципе? Или это все иллюзии и глупости?

Говорят на эту тему, как правило, те, кто не представляет себе, что же такое «китайский путь» и какова реальность Китая. Из 1,5 миллиарда населения Китая 800 миллионов живет в доиндустриальную эру, 600 миллионов вообще на грани выживания существуют. Нет ни пенсионной системы, ни системы здравоохранения – вообще никаких социальных гарантий нет. Очень минималистские, скажем так, условия.

Вот у нас нет такого населения, которому достаточно вдруг наесться досыта первый раз в жизни и иметь одни штаны на год, как вот у этих 600 миллионов, и получить двое штанов и велосипед (а это уже социальный прогресс, который стимулирует!). Это стимулирование относительным прогрессом по сравнению с полной нищетой. У нас такой возможности не было, и у нас не было населения, готового работать за минимальную зарплату с утра до вечера полный световой день без выходных.

Иными словами, «китайский путь» цивилизационно для нас был закрыт, но некое использование отдельных наработок Китая было возможно. Оно было очень удобно и открыто для Андропова и по стилистике ему соответствовало. Чуть-чуть было доступно и для Горбачева, но уже в более ограниченном масштабе, выборочное такое использование китайского опыта. Но в целом китайская модель была для нас невозможна.

Совершенно с вами согласен. У нас действительно и тогда, и еще раньше были абсолютно другие стандарты потребления. И говорить о том, что этот путь был открыт, – это, мне кажется, просто наивное невежество и незнание экономических реалий.

Перед августом. Предпосылки

Комментарии и свидетельства

Егор Гайдар «Гибель империи»

[Об экономическом кризисе 1980-х.] Столкнувшись с трудно управляемым кризисом, преодоление последствий которого требует <...> готовности принимать тяжелые решения и отвечать за них, новое руководство не видело и не понимало природы и масштаба угрозы... Правительство страны, столкнувшись с неблагоприятной конъюнктурой цен <...> наносит три дополнительных удара по финансовой системе страны. Это, во-первых, антиалкогольная кампания, снижающая бюджетные поступления, во-вторых, программа ускорения народнохозяйственного развития, предполагающая значительное увеличение масштабов государственных капитальных вложений, и, в-третьих, сокращение закупок промышленных товаров <...> по импорту... С конца 1988 г. экономическая ситуация быстро ухудшается, критическим фактором было вновь начавшееся снижение добычи нефти.

Вадим Медведев «В команде Горбачева. Взгляд изнутри»

1988 год оказался в этом смысле последним более или менее благополучным годом. Далее начались серьезнейшие осложнения, наступал настоящий экономический кризис, в первую очередь ударивший по потребительскому рынку. Его привели в такое неустойчивое состояние, при котором даже небольшой, частный сбой вызывал серьезные последствия, всплески ажиотажного спроса.

Михаил Горбачев «Декабрь-91. Моя позиция»

Переломным в ходе всех развернувшихся процессов оказался год 1988-й. Именно в этом году мы приступили к глубокой реформе политической системы.

Сергей Кургинян «Я – идеолог чрезвычайного положения»

В 1988 году мы говорили о ЧП в отдельных точках страны. Тогда это могло предотвратить большую кровь. Нас не послушали. В 1989-м это положение нужно было вводить в целых регионах, и это тоже могло спасти от худшего. В 1990-м нужно было вводить ЧП уже на всей территории страны. Тогда это бы помогло. Этим можно было защитить хоть что-то из позитивного, что общество наработало начиная с 1985 года... Системный кризис стал необратимым с апреля 1991 года.

Нет реформатора без партии даже в малой стране, а в колоссальной империи он обречен. Реформатор-одиночка или небольшая группка – они обречены. Нужна реформаторская партия, а у Горбачева ее не было.

Сергей Борисович, как вы думаете, действительно 1988 год, как свидетельствуют многие современники, поделившиеся своими воспоминаниями и соображениями, был политически и экономически переломным?

Экономические страсти мы отчасти уже обсудили. А политические?

Как вам помнится, это действительно был такой принципиальный слом? Возникли почва и пространство для конструирования новой политической реальности, новой политической модели или все же нет?

Отчасти это делалось осознанно и к этому стремились, а отчасти это было вынужденное политическое реформаторство. Вот почему это делалось осознанно, почему к такому выводу пришел Горбачев в моем понимании? Это была небольшая группка, которая вокруг него в Политбюро и ЦК сплотилась. Она, конечно, была не в состоянии развернуть колоссальную страну и обеспечить реформы. Горбачеву нужна была реформаторская партия. В 1988 году он убедился, что реформаторской партии у него нет.

С одной стороны, состоялась знаменитая XIX партийная конференция, которая поддержала реформы, но поддержала недостаточно активно, не до конца, с огромными оговорками. Видна была нарастающая уже тогда оппозиция в партии, и Горбачев уже тогда понимал, что реформаторской партии у него нет. И такого огромного политического механизма, который транслировал бы волю реформаторов на все регионы, у него нет. И времени на его формирование тоже нет, потому что ситуация ухудшается быстрее, чем они как реформаторы в состоянии наращивать свою управленческую мощь.

Поэтому нужно было разделить ответственность и ввести такой элемент, как давление оппозиции. Если оппозиция давит на правящую партию, если какие-то группы более радикально, чем Коммунистическая партия, начинают призывать к далеко идущим целям, то тогда можно свою партию удерживать в тонусе и убеждать ее в необходимости перемен: «Смотрите, у нас есть гораздо более радикальная альтернатива. Смотрите, к чему они призывают. Давайте

мы пойдем на более разумные, сдержанные шаги, чтобы не допустить дальнейшей радикализации». Создать некое внешнее давление и тем самым создать для себя позицию модератора и миротворца, который выбирает средний путь между крайностями, между коммунистическими консерваторами и демократическими радикалами. Создать такую удобную политическую позицию для продолжения устойчивого курса. Вот этим, на мой взгляд, диктовались действия Горбачева и его команды по проведению полусвободных выборов 1989 года.

Но не только этим. Напомню, что происходило в этот момент в Центральной и Восточной Европе. Там стремительно падала власть коммунистических и социалистических партий, гораздо активнее шли политические перемены. Еще немного, и начала бы рушиться уже мировая социалистическая система. Советские руководители получали информацию из первых рук: им ежедневно докладывали, в том числе и по линии разведки, КГБ, все, что там происходит. Понятно было, что режимы не выдержат. И они представляли себе, какой эмоциональной силы будет информационный удар, когда одна за другой эти страны будут переходить на дорогу демократического развития в западном, европейском смысле, а СССР будет прежним, и на все это нужно будет реагировать.

Вот чтобы не допустить возникновения такого контраста, отрыва СССР от волны демократизации, явно назревавшей в Центральной и Восточной Европе, Горбачев решился ускорить политические перемены, которые, может быть, в другой обстановке он все-таки отложил бы. Но это действительно был роковой шаг, ведь коммунистическая идеология и Коммунистическая партия могут контролировать ситуацию только в режиме монополии и они не рассчитаны на прямую политическую борьбу и прямую дискуссию.

...И на прямую политическую конкуренцию.

Публичную конкуренцию, совершенно верно. И вот, допустив формирование легальной оппозиции и подставившись под ее критику (а критика была очень мощной, потому что в оппозицию тут же хлынула вся творческая интеллигенция – они умели говорить и писать и делать это ярко и убедительно), под этот удар, Горбачев, конечно, получил не столько поддержку, сколько обратное – его загнали в угол.

Любопытно, что сам Михаил Сергеевич в какой-то момент, видимо, это понял, потому что в сонме всех этих нескончаемых юбилейных интервью (к 20-летию распада СССР. – Д. Н.) было развернутое интервью Горбачева, в котором он утверждал, что одна из главных, самая главная его ошибка в период перестройки, пожалуй, состоит в том, что он не успел реформировать КПСС. Это как раз ровно на той же линии. Иными словами, лидер не озаботился серьезной – аппаратной, содержательной и интеллектуальной – поддержкой собственных начинаний.

Нет реформатора без партии даже в малой стране, а в колоссальной империи он обречен. Реформатор-одиночка или небольшая группка – они обречены. Нужна реформаторская партия, а у него ее не было.

Похоже, что не было. И вот пришел май 1989 года, этот вот выхлоп энергии, действительное освобождение воплощенной в представительных формах организации власти дремавшей народной воли. Я имею в виду Первый съезд народных депутатов СССР – все эти включенные приемники на улицах, ажиотаж, удивление... Я хорошо помню: от автобусной остановки до дома можно было добежать, оставаясь в курсе всего происходившего на съезде, потому что все форточки были открыты и отовсюду (и по радио, и по телевидению) шла прямая трансляция из Кремлевского Дворца Съездов.

Так вот освобождение. Понятно, что оно было ожидаемо, но, видимо, нужны были какие-то конструктивные, содержательные формы, чтобы правильно направить, правильно канализировать эту освободившуюся волю, желание участвовать и содействовать власти, влиять на власть и вершить власть. Этого же не было сде-

лано. И эйфорией, в том числе интеллигентской эйфорией, о которой вы говорили, по большому счету все и закончилось. И никакой содержательной поддержки власти в реформах это общее возбуждение не оказало. Или я ошибаюсь?

На самом деле любая система, чтобы работать, должна иметь, во-первых, необходимый минимум динамики, обеспечивающий развитие, а во-вторых, некий минимум устойчивости. Динамику-то он (*Горбачев. – Д. Н.*) придал, а устойчивости не создал. Смотрите, что получилось: вся эта демократическая коалиция, демократическое движение, которое возникло после выборов 1989 года (еще были выборы 1990 года – местные выборы), движение «Демократическая Россия», которое тогда возникло, организовалось и было самым массовым движением в России после Коммунистической партии, оно победило на выборах в 20 крупнейших городах России, включая Москву и Петербург. Это уже был 1990 год. И возникли такие как бы два центра силы: правящая Коммунистическая партия и эта организованная демократическая оппозиция, причем не только сотрясавшая трибуны и газетные страницы, но и имевшая уже очаги (в 20 крупнейших городах она была уже у власти). И в этой ситуации была возможность придать устойчивость этой системе?

Коммунистические реформаторы должны были предъявить народу некую внятную программу реформ, выразить готовность ее реализовать в какие-то разумные сроки, а оппозиция должна была их подталкивать, будоражить, двигать, не давать останавливаться, требовать большего, чтобы иметь разумно необходимое. И эта система была бы более или менее равновесной. К этому, кстати, демократическая оппозиция (я как один из ее создателей и руководителей утверждаю) была готова. По всем нашим планам, мы готовились 10–15 лет быть в оппозиции (это планы 1989–1990 годов), и никто даже помыслить не мог, что власть вдруг свалится нам на головы. Быть в оппозиции и критиковать коммунистических реформаторов – заставлять их двигаться дальше, не застревать, понимаете?

А что нужно было Горбачеву? Действительно, он не предъявил внятной реформаторской программы с целями и сроками. Заявлялись программы – в частности, программа «500 дней»² Явлинского, которую незаслуженно осмеивают (якобы там о том, что за 500 дней можно рай создать; ничего подобного, это просто первоначальный набор мер, которые в течение 500 дней нужно было принять, а вовсе не построение капитализма в короткий срок). Эта программа разрабатывалась Явлинским вместе с лучшими нашими экономическими умами, она была вполне разумной. Допускаю: может быть, что-то еще можно было создать кроме нее, но внятной программы реформ Горбачев не предъявил.

Нечем было оппонировать, нечего было предложить в качестве разумных мер – получилось так.

Не организовал вокруг себя некое подобие политической организации. Надо было призвать всех коммунистов, которые за него, за его программу. Сначала принять программу, потом призвать всех, кто поддерживает программу, может быть, выйти из Компартии и объединиться во что-то новое, социал-демократическое вокруг Горбачева и его программы, а мы бы оставались в оппозиции. Это было бы разумно, это была бы политическая конструкция, которая могла обеспечить позитивную динамику в стране.

² Программа перехода плановой (административно-командной) экономики СССР на рыночные (капиталистические) принципы организации хозяйства (программа «500 дней»), которая предусматривала приватизацию государственной собственности, децентрализацию управления экономикой, либерализацию потребительских цен, поддержку частного предпринимательства и т. д. Рабочая группа по подготовке программы была сформирована по совместной инициативе М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. Основные положения программы и проекты законодательных актов к ней были разработаны к сентябрю 1990 г. и представлены на рассмотрение Верховного Совета СССР. Руководители авторского коллектива и главные разработчики программы – академики АН СССР С. С. Шаталин и Н. Я. Петраков, члены и эксперты Государственной комиссии по экономической реформе Совета министров РСФСР Г. А. Явлинский, Е. Г. Ясин, М. М. Задорнов и др. экономисты. Несмотря на широкое общественное обсуждение положений программы, сама программа так и не была утверждена и принята к реализации.

Этого не было создано, программа не предъявлена, организации у Горбачева нет. Вместо этого он пытался до последнего сохраниться в Коммунистической партии, которая становилась все более реакционной, все более консервативной силой, и одновременно пытался оставаться для народа лидером перемен. Эти две конфликтные роли, которые его просто разорвали.

Перед августом. Предпосылки

Комментарии и свидетельства

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

Горбачевская революция сверху исчерпала все свои возможности, а порожденная ею революция снизу изначально определила сама себя как антигорбачевская и выдвинула в вожди антипода Горбачева -Ельцина... Что же произошло с Горбачевым? <...> Лидер, который был впереди, оказался позади, в хвосте событий, им же самим вызванных, – теперь он пытается их попридержать... Размах стихийной демократии его пугает... На поверку Горбачев оказался шарнирным человеком, человеком-флюгером, высоко чувствительным к тому, откуда дует ветер... У его политического нюха был один недостаток <...> он был куда более чувствителен к кремлевским запахам и почти не восприимчив к каким-либо иным... Горбачев все менее удовлетворяет обе стороны: и народ, и номенклатуру. В истончившемся фундаменте его власти остается одна только надежная опора – либеральная интеллигенция. Она яростно защищает своего лидера и от претензий аппарата, и от народной критики.

Егор Гайдар «Гибель империи»

Грубые просчеты в экономической политике <...> неготовность платить внутривластную цену за их исправление заставляет идти на внешнеполитические уступки. Теперь руководство СССР в важнейших политических вопросах вынуждено считаться с навязанными ему правилами. О применении силы для сохранения политического контроля в восточноевропейской части империи приходится забыть. Любые шаги в этом направлении ставят крест на надеждах получить масштабную экономическую помощь... С конца 1988 г. <...> когда общество и политическая элита восточноевропейских стран поняли, что применение военной силы Советским Союзом в условиях экономической зависимости СССР от западных государств невозможно, крушение восточноевропейской части империи было лишь вопросом формы и времени... Экономическая цена, которую заплатил Запад за отказ СССР от контроля над Восточной Европой, оказалась невысокой... Но руководство СССР было не в том положении, когда можно навязывать партнерам по переговорам свои условия... Между моментом встречи Горбачева и Буша на Мальте (ноябрь 1989 г.), на которой Горбачев неофициально заверил Буша в том, что советские вооруженные силы не примут участия в военных действиях в Восточной Европе, и моментом краха остатков Восточно-Европейской империи прошло менее двух месяцев.

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

Мы не знаем, догадывался в это время уже Ельцин, что путь к демократии для всех народов СССР ведет только через труп империи, или это понимание пришло к нему... позже. Но именно с провозглашения Литвой независимости и ответного давления на нее <...> Ельцину стало очевидно, что сочетать свободу для одних с танками и дубинками для других в рамках единой империи долго не удастся... То, что для Горбачева с его традиционно-имперской психологией было катастрофой – распад империи, – Ельцин стал рассматривать как исторически верное и неизбежное направление: от империи-аномалии к нормальной стране.

Сергей Станкевич Из воспоминаний, опубликованных в газете «Взгляд» 15-19 августа 2011 г.

Альтернативой распаду СССР в 1991 году мог быть только стратегический союз между Борисом Ельциным и Михаилом Горбачевым. Я неизменно и настойчиво ратовал за стратегический тандем Ельцин – Горбачев, но Борис Николаевич был против. Начав концентрацию власти, он не мог остановиться на полпути. Он мерил успех только объемом полномочий, отобранных у Союзного центра. Призывы «договориться с Горбачевым» он уже тогда встречал с нарастающим раздражением и неизменно отвергал. Ему нужна была полная победа.

Николай Рыжков «Перестройка: история предательства»

Множество случайностей пришлось на период перестройки – тех случайностей, которые здорово вредили делу ее... Чернобыль. Армения. Национальные конфликты... Впрочем, последнее – это уже не случайность. Это уже результат перестройки, никем непредсказуемый результат. А таких непредсказуемых результатов было за перестроечные шесть лет не счесть.

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

Растерянные верхи общества – от кремлевского нобилитета и партийной номенклатуры до творческой интеллигенции и генералитета КГБ и армии – испугались демократии еще прежде, чем страна по-настоящему ее вкусила, придя в ужас от того, что еще не произошло: первый глоток свободы застрял в горле – не проглотить, не выплюнуть... К тому же главное свойство свободы состоит в том, что она быстрее приносит ядовитые плоды, чем съедобные.

Сергей Борисович, есть один очень важный вопрос, который в последнее время тоже много обсуждается. Эта тема мелькает в воспоминаниях современников и участников тех событий, а именно: идея о том, что, если бы раньше (в конце 1980-х) Советские власти ввели режим чрезвычайного положения либо в каких-то локальных точках, либо в отдельных регионах, либо в стране в целом, но в каком-нибудь таком, быть может, не слишком жестком, вегетарианском варианте, возможно, всех тех страстей, которые нас ожидали в начале 1990-х годов, можно было бы избежать.

Насколько реалистично было введение чрезвычайного положения в те еще ранние годы и был ли смысл – политический, экономический, административный, какой бы то ни было – в этой акции?

Ну это идея в первую очередь господина Кургияна³, великого идеолога всего чрезвычайного.

³ Сергей Ервандович КУРГИНЯН — геофизик, театральный режиссер, политолог, общественный деятель, публицист, шоумен и телеведущий.

Нет, простите, не только. Мы обсуждаем сейчас как раз лето 1989 года. Если вы помните, в августе 1989 года в «Литературной газете» вышел материал Игоря Клямкина и Андраника Миграняна⁴ о сильной руке (мы будем еще подробнее говорить об этом). Там тоже недвусмысленно и вполне убедительно утверждалось, что реформаторство и движение к либерализации и демократизации практически исключают друг друга.

Реформатор всегда фигура непопулярная, и, чтобы довести свои начинания до конца, он должен обладать тем объемом властных полномочий, властных сил, которые достаточны для реализации своих идей и планов. Я помню, что эта статья вызвала совершеннейшую бурю протестов, отчаянную реакцию недовольства и недоумение в демократических кругах. Так все-таки ваше мнение: должен ли реформатор быть сильным с точки зрения своих властных возможностей и достаточно твердым в своих действиях?

Я был тогда согласен со статьей, даже публиковал собственный вариант статьи, которая называлась «Феномен Горбачева», где тоже призывал его консолидировать власть внутри Коммунистической партии, потому что реформы в таком колоссальном организме, коим в тот момент был Советский Союз, можно осуществлять только твердой рукой, только с ясной декларацией целей, объясняя ежедневно, что и зачем ты делаешь и куда ты придешь через три года, через пять лет, заставляя при этом себя слушать. Это не значит, что надо было всем затыкать рот. Но надо было заставлять себя слушать, а не дискутировать бесконечно, ибо люди, только дождавшись до возможности дискуссий, готовы были дискутировать бесконечно.

Испытал это на своей шкуре многократно: во всех мыслимых парламентах – и в союзном парламенте, и в Моссовете, который состоял тогда из 450 депутатов, избранных народом, – каждый считал себя трибуном и требовал слова. И принцип был такой: «Пусть рухнет мир, но мы доспорим. Пусть все рухнет, пусть горит огнем этот город, но мы доспорим, потому что я еще не получил свои три минуты для реплики».

В демократии есть суицидальный синдром: если скрупулезно проводить ее в жизнь каждый день и в каждой детали, то демократия губит себя сама, ей даже не нужны в этом смысле враги. Поэтому действительно нужна была твердая рука, нужен был разумный авторитаризм Горбачева, потому что никто не требовал сразу абсолютной и идеальной демократии – она должна была сама рождаться и пробивать себе дорогу, как сквозь лед талая вода пробивает дорогу. Он должен был демонстрировать гибкий и разумный авторитаризм. И команду ему надо было поменять. С той командой он ничего не смог бы сделать.

Поэтому я тогда согласен был с некоторыми оговорками (сейчас уже не важными) с Миграняном и Клямкиным и считаю, что они были правы. Опять-таки подчеркиваю: речь шла о креативном авторитаризме, а вовсе не о чрезвычайном положении в том смысле, в котором об этом говорят Кургинян и его адепты. А у них речь шла о спасении советского режима, социалистического режима с некоторыми косметическими изменениями, сохранении идеологической империи с прежними целями – о торжестве коммунизма в глобальном масштабе.

Чрезвычайное положение и диктатура, направленные на сохранение этого исторического безумия, – это был бы, конечно, страшный, кровавый тупик.

⁴ **Игорь Моисеевич КЛЯМКИН** — доктор философских наук, профессор, социолог, политолог, публицист. **Андраник Мовсесович МИГРАНЯН** — кандидат исторических наук, профессор, политолог и публицист. 16 августа 1989 г. в «Литературной газете» И. Клямкин и А. Мигранян опубликовали материал под названием: «*Нужна ли “железная рука”?*», в котором в том числе предлагалось сформировать комитет национального спасения, прекратив действие всех остальных институтов власти.

Любая система, чтобы работать, должна иметь, во-первых, необходимый минимум динамики, обеспечивающий развитие, а во-вторых, некий минимум устойчивости. Динамику-то Горбачев придал, а устойчивости не создал.

Сергей Борисович, а вы представляете себе Горбачева так вот реалистично, особенно уже сегодня, когда мы с вами знаем, чем и как все закончилось, просвещенным авторитарным правителем? Я что-то не очень, честно говоря. Как-то немножко не соответствовал его скорбный образ масштабу «развернувшихся процессов». Даже с измененной, обновленной командой.

«Немножко» – это деликатно сказано. Он был не адекватен этой исторической задаче как личность, по своим личностным характеристикам.

Он был совершенно не готов внутренне и политически к тем реформам, которые запустил. Как мне кажется...

Значит, убедившись в том, что его собственный потенциал как реформатора исчерпан, он должен был уступить кому-то дорогу.

Ох, это вы махнули. Передача власти, да еще и добровольная, – тяжелейшая, непосильная вещь.

Это страшная вещь в истории.

Иллюзии какие-то...

Она всех накрывала. Кстати, позже она накрыла Ельцина. Он тоже имел свой реформаторский потенциал, который исчерпал, на мой взгляд, к 1993–1994 году, но продолжал оставаться у власти.

Кстати говоря, это тот самый узел, о котором я хотел поговорить чуть подробнее. Мне очень важна эта история, о ней много и писали, и говорили. Речь об оси оппозиции Горбачев – Ельцин и остроте этой темы, особенно в те годы. Во многом в этой психологической и политической оппозиции, в этом противостоянии источник бед и неожиданных шараханий и метаний, которыми было наполнено то время. Мне кажется, что очень многие решения выработывались с обеих сторон на странном основании неодолимого психологического и человеческого неприятия друг друга. И это лобовое стояние существовало и влияло на государственную политику ровно столько времени, сколько обе эти политические фигуры так или иначе находились у власти.

Вы говорили и писали, что видели в союзе Горбачева и Ельцина альтернативу развалу СССР. И если бы они нашли почву для договоренности, для какого-то единства, то последствия реформ в стране – в той, еще большой стране – были бы совсем другими. Но фактор Ельцина, говорили вы, свел к нулю практически всякие шансы реформирования Союза.

Вам и сейчас так кажется, что, если бы этот союз случился, большой Союз в каком-то виде мог быть сохранен? И была ли возможность такого союза между Горбачевым и Ельциным? Вы ведь можете об этом судить: по крайней мере Ельцина, как я понимаю, вы знали довольно хорошо и достаточно близко.

Может быть, не до конца хорошо: человек никогда полностью не раскрывается, но в этот период достаточно близко, это верно. Действительно, личностный конфликт Ельцина и Горбачева сыграл в истории нашей страны роковую, я считаю, роль.

Если бы не это жестокое унижение, которому был сначала подвергнут Ельцин, изгнанный со всех постов и даже дошедший чуть ли не до суицида, и если бы не его (я не побоюсь этого слова) маниакальное желание отомстить и восторжествовать – не победить политически, а восторжествовать над Горбачевым, – то многих тяжелых последствий, я думаю, удалось бы избежать. Ведь в политике никогда нельзя говорить «никогда» – never say never. Ты с кем-то

боролся и вроде бы одержал верх на каком-то этапе политической борьбы, но, если ты хочешь выиграть в долгосрочном плане, ты должен быть готовым объединиться завтра с поверженным противником, потому что тебя ждут новые противники. А этот уже повержен и уже готов с тобой работать вместе, и нужно вобрать в себя его потенциал и идти дальше – это абсолютный закон политики. Здесь нельзя изображать роковую борьбу вечного добра с вечным злом. Допустим даже, Ельцин хотел одержать политическую и личную победу, но, поскольку это желание выступало в качестве постоянного мотива, оно мешало ему принимать очень важные решения. Мешало! Уже тогда, когда он увидел, что Горбачев захлебывается как коммунистический реформатор (в начале 1991 года), именно тогда надо было предлагать ему вариант круглого стола.

Горбачев пытался до последнего сохраниться в Коммунистической партии, которая становилась все более реакционной, все более консервативной силой, и одновременно пытался оставаться для народа лидером перемен. Эти две конфликтные роли его просто разорвали.

Почему я говорю сейчас о круглом столе? Потому что незадолго до этого (в 1989–1990 гг.) подобный цикл очень успешно прошел в Польше. То же самое: правившая тогда Коммунистическая партия во главе с генералом Ярузельским⁵, который даже ввел военное положение, села за круглый стол с оппозицией, они договорились, определили правила игры на период реформаторства и четко придерживались этих правил: первые выборы были полусвободные, квоты были определены – сколько Компартии, сколько оппозиции, и так далее. Это был разумный компромисс.

И в итоге не без издержек, но тем не менее в Польше прошли критический момент, и коммунисты добровольно отдали власть – мирно, без революции. На последнем съезде Польской объединенной рабочей партии они вынесли знамена из зала и, стоя, в слезах, исполнили гимн «Партия распущена, мы разошлись».

Я вообще считаю, что ключевую роль в этом исходе сыграли рефлексивность и политическая мудрость генерала Ярузельского, который очень хорошо понимал возможные последствия открытых и тупых противостояний – тех самых, которых, к сожалению, так и не удалось избежать в нашей стране.

Великое решение. Конечно, так красиво у нас бы не получилось. Но круглый стол по какому-то сходному сценарию – Горбачев, представляющий Компартию, и оппозиция – был абсолютно необходим. Нужно было договариваться о правилах игры на переходный период, соглашаться на оппозиционную роль и оппозиционную квоту в парламентах и давать коммунистическим реформаторам возможность действовать, они должны были выполнить определенную задачу – и это было бы лучше для демократов.

Представьте себе, что всю ту работу, которую сейчас предъявляют в качестве обвинения демократам, проделали бы коммунисты, прежде чем уйти, проиграв на свободных выборах. Это они должны были делать – освобождать цены и многие другие вынужденные шаги, взяв на себя ответственность. А так они возложили это все на нас, и нам, к сожалению, пришлось доделывать. Иными словами, шанс на круглый стол и на совместную деятельность на основе договоренности с Горбачевым в 1990-е годы существовал.

⁵ **Войцех Витольд ЯРУЗЕЛЬСКИЙ** (1923– 2014) – польский военный и государственный деятель, министр обороны ПНР, первый секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр и президент ПНР, с 1981 по 1989 г. фактически единоличный правитель Польши. В 1981 г. в результате беспорядков ввел в стране военное положение, в 1989 г. дал согласие на проведение многопартийных выборов в сейм и президентских выборов, а в 1990 г. мирно передал власть избранному президенту *Леху Валенсе*.

В начале 1991-го договоренность была абсолютной необходимостью: Горбачева подпирала консервативная группировка, уже готовившая переворот. И нам было понятно, что переворот – только вопрос времени, он неизбежно произойдет. Союз трещал по швам, начинались провозглашения пока суверенитетов, еще не независимостей, но было ясно, что на этом никто не остановится. Вот в этот момент единственными стабилизирующими силами могли быть tandem Ельцин – Горбачев и некоторое подобие круглого стола – генеральное соглашение между правящей партией и оппозицией.

СССР как насильственно скроенную большевиками глобальную идеологическую империю, существовавшую ради всемирного торжества коммунизма, сохранить было нельзя. Абсолютно нельзя. Это было искусственное образование, державшееся только на систематическом насилии и монополии одной идеологии, одной партии. Как только ослабла монополия, посыпалась конструкция.

Но в итоге этот круглый стол, несмотря на то что он как бы и был (почти свободные выборы в представительные органы власти разных мастей, Новоогаревский процесс и прочее), в содержательном и политическом смыслах так и не случился.

В финале нашего разговора я хотел бы задать вам главный, пожалуй, вопрос нашего исследования. Как вы считаете, реально ли было сохранить СССР тогда, на том историческом отрезке? И нужно ли было это делать, с вашей точки зрения – участника и свидетеля событий тех мятежных лет?

СССР как насильственно скроенную большевиками глобальную идеологическую империю, существовавшую ради всемирного торжества коммунизма, сохранить было нельзя. Абсолютно нельзя. Это было искусственное образование, державшееся только на систематическом насилии и монополии одной идеологии, одной партии. Как только ослабла монополия, посыпалась конструкция. Вот в этом виде сохранить ее было нельзя.

В обновленном виде, как добровольное объединение государственных образований, можно и надо было сохранять. К этому все шло: 20 августа 1991 года должен был подписываться новый Союзный договор. Там девять республик объединялись в такое содружество, о котором сейчас мечтает Евросоюз. Мы слышим сегодня заявления европейских лидеров – они годами бьются над конституцией и над некоторыми другими союзными вещами. Все то, над чем они годами старательно работали и пытались объявить позитивной целью Евросоюза, было заложено в том договоре, и это – наша несостоявшаяся реальность.

Диалог второй Александр РУЦКОЙ



Александр Владимирович Руцкой

Герой Советского Союза, генерал-майор авиации

В те годы народный депутат РСФСР, первый и единственный вице-президент Российской Федерации.

Перед августом. Предпосылки

Хроника

16 августа 1989 г.

В «Литературной газете» опубликовано интервью публицистов Игоря Клямкина и Андраника Миграняна под названием: «Нужна ли “железная рука”?», в котором популисту Ельцину **противопоставлялся** серьезный реформатор Горбачев и предлагалось сформировать комитет национального спасения, прекратив действие всех остальных институтов власти.

Сентябрь–декабрь 1989 г.

Демонтаж прокоммунистических режимов в **Восточной Европе**.

9 ноября 1989 г.

Падение **Берлинской стены**.

3 декабря 1989 г.

В ходе саммита на **Мальте** лидеры США и СССР объявляют об окончании *холодной войны*.

20 января 1990 г.

Силовое подавление выступлений политической и националистической оппозиции в **Баку** (более сотни погибших).

Февраль 1990 г.

Силовое подавление массовых беспорядков на межнациональной почве в **Душанбе** (25 погибших, около 600 раненых).

11 марта 1990 г.

Верховный Совет Литовской ССР принимает решение о **независимости** Литвы. Через четыре дня III съезд народных депутатов СССР объявляет это решение недействительным.

15 марта 1990 г.

На внеочередном III съезде народных депутатов СССР *Михаил Сергеевич Горбачев* избирается **Президентом СССР** (около 71% голосов – «за»). При этом Горбачев сохраняет должность Генерального секретаря ЦК КПСС.

30 марта 1990 г.

Верховный Совет Эстонской ССР принимает решение о **государственном статусе** Эстонии.

4 мая 1990 г.

Верховный Совет Латвии провозглашает **независимость** республики. В ответ руководство СССР объявляет об экономической **блокаде** прибалтийских республик.

Весной 1990 г.

Опубликовано «письмо 53-х» «С верой и надеждой», под которым подписались известные в стране люди – от патриарха Алексия II до артиста Николая Губенко – и которое содержало прямой призыв к Горбачеву ввести **чрезвычайное положение** и президентское правление в зонах конфликтов.

26 мая 1990 г.

Грузия принимает декларацию о **независимости**.

29 мая 1990 г.

На I съезде народных депутатов РСФСР *Борис Николаевич Ельцин* избирается **Председателем Верховного Совета РСФСР**.

Июнь 1990 г.

Ошская резня: киргизско-узбекские силовые столкновения в Ферганской долине (сотни погибших).

12 июня 1990 г.

Из обращения Верховного Совета СССР к советскому народу по поводу **повышения розничных цен:** «В обеспечении населения страны хлебом и хлебопродуктами сложилось критическое положение... В 1989 г. около 40% потребности страны в зерне покрыты путем завоза его из-за рубежа. Это означает, что в каждом килограмме потребленного хлеба треть его стоимости приходится на затраты валюты».

12 июня 1990 г.

I съезд народных депутатов РСФСР принимает **Декларацию о государственном статусе РСФСР**.

Лето-осень 1990 г.

«Парад суверенитетов» – массовое принятие деклараций о **суверенитете:** Молдавия (23 июня), Украина (16 июля), Узбекистан (20 июля), Белоруссия (27 июля), Туркмения (22 августа), Армения и Таджикистан (24 августа), Казахстан (25 октября). О суверенитете также объявили Абхазия, Татарстан, Приднестровье, Башкирия, Бурятия, Калмыкия и многие другие регионы, включая Иркутскую область.

12 июля 1990 г.

Во время XXVIII (и последнего) съезда КПСС Б. Н. Ельцин публично **выходит** из КПСС.

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

Б. Н. Ельцин, коммунист почти с 30-летним стажем, вышел на трибуну партийного съезда и вынул из внутреннего кармана пиджака заранее заготовленные листочки. Все уже успели привыкнуть к ельцинским демаршам и... ждали очередного. Его превратили в клоуна у партийного ковра, развлекающего номенклатурную публику между основными выступлениями. От него ожидали чего угодно, но только не этого: Ельцин заявил, что как глава высшей законодательной власти должен подчиняться воле народа, а потому выходит из партии. И... подтвердил это наглядно – сошел с трибуны и под

гул потрясенных делегатов спокойно, не оглядываясь, прошагал по длинному проходу к дверям...

В августе 1990 г.

Между новым хозяином России (Б. Н. Ельциным) и старым хозяином Кремля (М. С. Горбачевым) состоялась **встреча**, которая длилась пять часов и проходила с глазу на глаз. Горбачев взял с Ельцина слово, что тот никогда не будет претендовать на пост Союзного президента.

Осень 1990 г.

Первые вооруженные столкновения в **Приднестровье**.

1 октября 1990 г.

Верховный Совет СССР принимает Постановление об образовании подготовительного комитета по разработке нового **Союзного договора**.

3 октября 1990 г.

Объединение **Германии**.

15 октября 1990 г.

Президенту СССР М. С. Горбачеву присуждается **Нобелевская премия** мира.

7 ноября 1990 г.

Во время демонстрации на Красной площади некий Александр Шмонов совершает **покушение** на М. С. Горбачева.

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

В 1990 году Горбачеву не повезло с обоими революционными праздниками: 1 мая демонстранты, улюлюкая и призывая президента к отставке, согнали его с трибуны мавзолея, а 7 ноября, в день празднования 73-летней годовщины большевистской революции, на Красной площади раздалось два выстрела... Именно с этого момента начинается постепенное, но неуклонное изменение его политического курса.

15 декабря 1990 г.

Декларацию о **суверенитете** принимает Верховный Совет Киргизской ССР.

20 декабря 1990 г.

На IV съезде народных депутатов СССР министр иностранных дел **Э. А. Шеварднадзе** объявляет об отставке *«в знак протеста против надвигающейся диктатуры»*.

Итак, 1989–1990 годы. «Парад суверенитетов», распад Восточного блока, серьезный экономический спад и потребительский кризис, избрание Горбачева президентом и так далее. Александр Владимирович, что вам в тот период запомнилось больше всего? Что вам показалось самым значимым или знаковым для того периода истории страны?

Внимательно проанализировав и осмыслив хронику событий, можно подвести итог – политическая анархия и безрассудство, называемое тогда перестройкой. Перестройка ответственности, переход дисциплины в демагогию, а экономики страны в криминальную кооперацию и базар в конечном итоге разрушат страну, а некогда единый советский народ ввергнут в межнациональные побоища и гонения. Вот такое было новое «мышление». Главная ошибка Юрия Андропова⁶ – рекомендовать и предложить избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС безграмотного, но амбициозного Горбачева. Под стать себе Горбачев подобрал и главных советников. Под нож шло все: обороноспособность страны, военно-промышленный комплекс, геополитические интересы страны. Рушилась стабильность в обществе. Пустые прилавки, очереди за товарами первой необходимости... Разваливались управленческая и рабочая дисциплина, ответственность в промышленности, сельском хозяйстве. Расцветали спекуляция, мздоимство, коррупция. При этом всем вбивалось в сознание, что это временные трудности перестройки.

Вместо того чтобы активно заняться кадровой политикой в КПСС – от райкома партии до Политбюро ЦК КПСС, внести изменения в программные документы и Устав партии, в основной закон страны – Конституцию, активно включиться в экономические реформы, Горбачев пустил все на самотек, подменив реальные действия демагогической перестройкой. Члены Политбюро и кандидаты в члены Политбюро, первые секретари КПСС союзных и автономных республик, краев, областей возомнили себя вершителями судеб, воеводами, видя слабость Генерального секретаря ЦК КПСС, выстраивали власть на местах под себя. После того как в марте 1990 года III съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статью Конституции СССР, декларирующую руководящую роль КПСС, и учредил пост президента СССР, а затем избрал президентом СССР Горбачева, практически все первые секретари КПСС республик также решили стать президентами. Шлюзы по смыву СССР открылись в апреле 1990 года, когда были приняты законы «О языках народов СССР» (позволяет закрепить в республиках статус национального языка как государственного) и «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» (согласно этому закону союзные республики становились суверенными советскими социалистическими государствами, автономные республики также становились суверенными государствами).

До этого, в сентябре 1989 года, Постановлением Пленума ЦК КПСС принята платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». Приведу несколько цитат из этой «платформы»: «залог прочности нашей федерации – добровольность объединения республик в одно Союзное государство, в котором каждая республика сохраняет суверенитет и самостоятельность», «союзным республикам принадлежат все права, отвечающие их статусу суверенных социалистических государств»; «высшие представительные органы власти союзных республик могут опротестовать и приостанавливать действия постановлений и распоряжений союзного правительства на своей территории, если они нарушают конституционные права союзных республик (государств)». С этого и начался старт развала СССР. Почву для разрушения страны подготовили не Ельцин, Шушкевич, Кравчук, а лауреат Нобелевской премии Горбачев. Он подписывал законы СССР и постановления Пленума. Троица воспользовалась бездарностью генсека и президента СССР и добила развалившуюся страну.

⁶ **Юрий Владимирович АНДРОПОВ** (1914–1984) – Председатель КГБ СССР (1967–1982), в 1982–1984 гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС и фактический лидер СССР. Считается, что он был инициатором выдвижения *М. С. Горбачева*.

Получив законодательную основу, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, первые секретари КП республик начали кроить Советский Союз под феодальные княжества. Вместе с СССР по швам начала трещать и РСФСР. В Вашингтонском обкоме был план развалить не только СССР, а следом и РСФСР – Российскую Федерацию.

«Проснется» Горбачев лишь 25 декабря 1990 года на Съезде народных депутатов СССР, где будет принято постановление «Об общей концепции нового Союзного договора и порядке его заключения». Но все это окажется мертвому припаркой. Проект нового Союзного договора надо было подготовить вместо idiotских законов, запустивших развал СССР, в марте-апреле 1990 года и запустить на обсуждение в Верховные Советы республик.

Я не раз говорил с Горбачевым на эту тему, после того как меня избрали народным депутатом РСФСР. Простому гражданину добиться встречи с Президентом СССР было невозможно, но депутату такая возможность предоставлялась. Я говорил: «Михаил Сергеевич, вы не обижайтесь, но я не понимаю, что происходит. Как можно довести до такого состояния государственную дисциплину?» Вы помните, директора заводов смещались, и рабочие сами избирали себе директоров?! Я говорил ему: «Вы еще введете в армии выборы командиров полков, дивизий! Ну это будет вообще полный развал и крах! Как можно бездействовать, видя, что происходит в стране? Неужели непонятно, чем закончится “парад суверенитетов”!? Этого же нельзя делать!» А он отвечал: «Александр Владимирович, ты понимаешь, ты воспитан на совершенно других принципах, а я воспитан жизнью, руководящей работой, иначе и знаю, что нужно для страны в настоящий момент. Но надо все переводить в другую плоскость, это и называется перестройкой».

И вот спустя время, в 1992–1993-гг, мы слышим заявления бывших и действующих госсекретарей Соединенных Штатов Америки, директоров ЦРУ, которые дают оценку тому, что произошло. И становится понятно, где находился пульт, за которым стоял «дирижер», и кто были исполнители всего этого бардака, направленного на разрушение великой страны, которую, кстати, не смогла победить фашистская Германия.

Да, эта позиция понятна и известна. Но, может быть, все-таки с самой страной что-то было не так? Как-то очень трудно себе представить, чтобы страна, которая без оговорок победила во Второй мировой войне, несла основное бремя этой войны и вынесла его, которая сумела восстановиться, первой полетела в космос, взорвала водородную бомбу и так далее, и так далее, – эта большая страна, целая держава, взяла так вот просто и распалась. Всего лишь в силу того, что во главе этой страны в какой-то момент оказался слабый руководитель, или в силу того, что кто-то где-то там в Белом доме и Лэнгли подумывал о том, как бы развалить СССР... Все это слишком мелкие факторы для того, чтобы стать основанием такого масштабного события. Может быть, что-то в самой державе к этому времени начало разлагаться, причем разлагаться системно?

Мы жили в единой стране. И вы помните, в 1970-х национальных-то проблем практически не было. И вот посмотрите, с чего начинали раскачку? С межнациональных проблем. Во время Великой Отечественной войны в окопах кто-нибудь спрашивал друг у друга: кто какой национальности и какого вероисповедания?

Нет, конечно. Но был общий враг. И была одна задача – одолеть его.

Однозначно нет.

В многонациональной и многоконфессиональной стране динамит для взрыва – межнациональные отношения, что, собственно, и использовалось для разрушения СССР. Плюс экономический кризис, выстроивший многокилометровые очереди за дефицитом товаров первой необходимости. Кроме этого местечковая жажда власти, амбициозность и тупость центрального руководства, построенная на фундаменте безответственности.

А вот у экономистов, скажем, совсем иной, но по-своему твердый и уверенный взгляд на ту же ситуацию. Они вообще, знаете ли, в определенной степени марксисты и твердо усвоили, что, как говорил Ленин, если вы помните, политика есть концентрированное выражение экономики. Поэтому все эти политические игры, которые затевали Президент СССР или Председатель Верховного Совета РСФСР, – это все мелочи и глупости, а все дело в экономике.

Разрушение страны – это далеко не глупости и не мелочи. Это по меньшей мере предательство. Экономические познания (что у Горбачева, что у Ельцина) – нулевые, эти деятели способны были только лишь на политические интриги в борьбе за власть. Поэтому политика передела власти не могла быть концентрированным выражением экономики. Экономические проблемы страны были сдвинуты на задний план, что, несомненно, усугубило политическую обстановку в стране.

Так вот многие экономисты полагают: все, что произошло с нами в 1990–1991 годах, явилось результатом того, что в середине 1980-х сложилась очень плохая, крайне неблагоприятная мировая конъюнктура цен на углеводороды, нефть, сырье, чего наша очень мощная, но чрезвычайно негибкая экономическая конструкция не выдержала. Правительство, экономические власти на фоне этой конъюнктуры, на фоне сложившегося уровня цен на наш главный экспортный продукт не могли уже формировать достойный и соответствующий потребностям бюджет и продолжать использовать те экономические механизмы, к которым они привыкли. В итоге экономическая система не выдержала первой, и вся государственная конструкция начала распадаться.

Несомненно. Неблагоприятная мировая конъюнктура цен на нефть, сырье негативно воздействует в странах, где формирование бюджета зависит от экспорта сырьевых и энергетических ресурсов.

Я уже говорил, что вместо того чтобы заняться экономическими реформами, включающими модернизацию промышленности по выпуску импортозамещающей продукции, выпуску конкурентоспособной в мировых масштабах продукции, технологического переоснащения пищевой промышленности, развитие производства медицинских препаратов, обуви, верхней одежды, радиоэлектронной продукции, Генеральный секретарь КПСС, Президент СССР запутался в политических интригах и демагогии.

Продовольственная политика страны была доведена до абсурда: при наличии мощного АПК (*агрпромышленный комплекс. – Д. Н.*) пустые полки в магазинах и многокилометровые очереди. Абсурд или умышленная подготовка к бунту – я думаю, второе, – как иначе объяснить перевыполнение плана производства сельскохозяйственной продукции и пустые полки в магазинах?

Вышеперечисленное – немаловажный фактор, влияющий и на государственное устройство. Подлили масла в огонь и сокращения в ВПК (*военно-промышленный комплекс. – Д. Н.*), и конверсия (переход высокотехнологических производств на выпуск тазиков, игрушечных машинок, пистолетиков).

Деградировала экономическая система. Она оказалась не в состоянии обеспечивать собственными силами потребности страны и бюджета, поэтому пришлось все необходимое закупать за рубежом. И военно-промышленный комплекс в этих обстоятельствах оказался нам уже не по средствам.

Вместо жупнической кооперации и спекуляции что мешало провести приватизацию в сфере услуг? Зачем государству парикмахерские, столовые, кафе, рестораны, пекарни, кондитерские, дома быта, ателье, производство обуви, белья, верхней одежды? Под приватизацию на конкурентной основе правительству СССР необходимо было сформировать кредитную политику. Что мешало в конце концов в этой сфере ввести частную собственность на средства про-

изводства? Разве проблематично было создать частные малые и средние производства продуктов питания? Есть такое выражение: «глупость – не отсутствие ума, а именно такой ум».

Под стать себе Горбачев подобрал и главных советников. Под нож шло все: обороноспособность страны, военно-промышленный комплекс, геополитические интересы страны. Рушилась стабильность в обществе. Пустые прилавки, очереди за товарами первой необходимости...

Да не были они готовы к реформам, это же очевидно. Но мы вернемся еще в нашем разговоре к тому, почему не были реализованы заявленные реформы. А сейчас другой очень важный сюжет, о котором хотелось бы поговорить. Многие в тот период предлагали и даже выдвигали требования о введении в стране чрезвычайного положения. Об этом говорили и публицисты-интеллектуалы (мы уже вспоминали в наших диалогах о вызвавшей много шума статье И. Клямкина и А. Миграняна как раз о том, что реформам и реформаторам нужна сильная рука), об этом же говорили и многие политики.

Я помню, что несколько позже, осенью 1991 года, вы были активным сторонником введения чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской АССР. Как вы думаете, был ли смысл тогда, в те годы, о которых мы с вами вспоминаем (конец 1980-х и начало 1990-х), вводить чрезвычайное положение в стране? Сказались бы эти меры на стабилизации ситуации? Или исполнительная вертикаль настолько деградировала, что все закончилось бы пустыми декларациями?

Если бы Горбачев серьезно занимался кадровой политикой не только в правительстве СССР, в аппарате ЦК КПСС, но и в республиках, краях и областях, ввел демократический принцип выборов коммунистами секретарей автономных республик, краев, областей, районов, то КПСС активизировалась бы, в том числе и в проведении экономических реформ.

В тех субъектах СССР, где активно действовала пропаганда суверенизации, действительно необходимо было ввести не чрезвычайное положение, а внешнее управление с усилением правоохранительной системы и, разумеется, системы безопасности. Тогда бы суверенизация не сопровождалась массовыми побоищами, резней на межнациональной основе и выходами из состава СССР. Вместо всего этого Горбачев, законами, о которых я говорил выше, и постановлениями Пленумов ЦК КПСС заложил мину замедленного действия.

Что мешало, например, принять закон СССР «О порядке выхода из СССР», который предусматривал бы возврат территорий, присоединенных в период формирования республик и СССР, перевод предприятий промышленных комплексов в совместное пользование или выкуп в собственность, выходящей из состава СССР республики, строительство жилищных комплексов для переселения граждан русской национальности в РСФСР? После выхода из СССР вводятся отпуск энергоресурсов и сырья по мировым ценам, а также визовый режим. Думаю, желающих подпасть под такой порядок выхода из СССР было бы гораздо меньше, а может быть, и вообще их не было.

Но чрезвычайное положение в любой форме все-таки предусматривает некие силовые действия и меры подавления.

Да. Но они вместе с тем укрепляют дисциплину – государственную, производственную, военную. Почему? Потому что проще всего развалить, сложнее всего – построить. И вот я считаю, что относительно прибалтийских республик, которые вошли в состав СССР в 1940-х годах, – ничего страшного, если бы они вышли. Экономический потенциал СССР практически не зависел от этих республик. Да, надо было на том этапе дать им возможность выйти, закрыть границу, прекратить подачу электроэнергии, газа, нефти, отказаться от портовых услуг пере-

валки грузов, от пищевой продукции и других товаров, поздравить их с суверенитетом и независимостью – и пускай живут самостоятельно и независимо.

И эту же формулу я предлагал, когда возникла ситуация на Кавказе. Она же не в одночасье возникла? Ее провоцировали Бурбулис, Козырев⁷, Шахрай⁸ и прочие. А потом меня Борис Николаевич (*Ельцин. – Д. Н.*) послал разговаривать с Дудаевым⁹, когда все это уже дошло до откровенного мятежа и противостояния. Вопрос можно было решить административным и мирным путем? Да. Но... Демократический правитель развязал бойню, погибло около 10 тысяч солдат и офицеров, более 10 тысяч граждан Чечни¹⁰.

Перед августом. Предпосылки

Комментарии и свидетельства

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

[Горбачев] пошел на самый решительный и одновременно самый рискованный в его политической карьере шаг – при формальной поддержке парламентского большинства изменил советскую Конституцию и присвоил себе чрезвычайные полномочия... Будучи политическим эклектиком, Горбачев полагал, что можно сочетать демократию с диктатурой – демократию на местном уровне и диктатуру в Кремле.

Борис Ельцин «Записки президента»

Горбачеву надоела перестройка. Он ясно видел тупик, в котором может оказаться. Развитие ситуации было очевидным – пора было начинать постепенно переходить от неудавшихся реформ, от очередной «оттепели» к замораживанию политического климата, к стабилизации обстановки силовыми методами, к жесткому контролю над политическими и экономическими процессами. Его первый шаг – президентство. Он закончил процесс оформления своего нового статуса. Одновременно он страховался от коммунистов – угрожать Президенту СССР было уже сложнее. Горбачев начал избавляться от людей, которые превратились в самостоятельные политические

⁷ **Андрей Владимирович КОЗЫРЕВ** — министр иностранных дел РСФСР (1990– 1991), министр иностранных дел Российской Федерации (1991–1996).

⁸ **Сергей Михайлович ШАХРАЙ** — российский государственный деятель, народный депутат РСФСР, государственный советник РСФСР по правовой политике (1991–1992), заместитель Председателя Правительства Российской Федерации (1991–1992, 1992–1994, 1994– 1996). Считается одним из идеологов и координаторов разработки проекта действующей Конституции России и организаторов работы Конституционного совещания 1993 г. С 2004 г. руководитель аппарата Счетной палаты Российской Федерации. С 2005 г. президент Национальной федерации бадминтона России.

⁹ **Джохар Мусаевич ДУДАЕВ** — первый Президент Чеченской Республики Ичкерия (1991–1996), провозгласившей свою полную независимость от Союзного и Федеральных центров. Ликвидирован российскими спецслужбами в самом конце первой чеченской кампании – в апреле 1996 г.

¹⁰ По данным штаба Объединенной группировки федеральных сил в Чечне (1996), безвозвратные потери российских военнослужащих всех силовых ведомств в ходе первой чеченской войны (1994–1996) составили 5334 человека. Позже, после уточнений (2001), общие потери официально оценивались в 5552 человека. После второй чеченской войны (1999–2000, окончательная отмена режима контртеррористической операции – 2009) каждое силовое ведомство приводило собственные цифры потерь: Минобороны – 3684 военнослужащих, МВД – 2178 сотрудников органов внутренних дел, ФСБ – 202 сотрудника. Таким образом, общие безвозвратные потери второй фазы операции составили 6064 человека. Потери незаконных вооруженных формирований в Чечне в разных источниках оцениваются приблизительно: в 1994–1996 гг. – более 15 тыс., после 1999 г. – более 10 тыс. Подтвержденных и достоверных данных о жертвах среди мирного населения в ходе обеих чеченских кампаний нет.

фигуры. Горбачеву надоело бороться с легальными оппозиционерами, надоели мучительные проблемы в республиках, надоела полная неясность с экономикой.

Владимир Соловьев, Елена Клепикова «Борис Ельцин. Политические метаморфозы»

Быстро меняется кремлевская свита Горбачева. Он отдаляет от себя А. Яковлева, с подсказки которого начал перестройку и гласность. Незаметно исчезает с политической сцены премьер Н. Рыжков. С поста министра внутренних дел снимают В. Бакатина... В канун 1991 года <...> уходит с поста министра иностранных дел Э. Шеварднадзе – со скандалом, хлопнув дверью, предупредив <...> что в стране готовится государственный переворот... Очевидно усиливается влияние министра обороны Д. Язова, а председатель КГБ В. Крючков становится «серым кардиналом» при Горбачеве. По рекомендации Крюčkова новым министром внутренних дел <...> назначают Б. Пуго... На пост премьера назначается консервативный бюрократ В. Павлов... Наконец в свои вице-президенты Горбачев протаскивает уже совершенно бесцветного аппаратчика Г. Янаева... Именно эти пять горбачевских протеже <...> составят ядро августовского путча.

Александр Владимирович, мне известно ваше отношение к президенту СССР и первому президенту России. Но от этого разговора все равно никак не уйти. Все-таки почему, подтолкнув масштабные изменения, о которых мы с вами уже отчасти поговорили, Михаил Сергеевич Горбачев практически ни один свой замысел, ни одну из объявленных реформ не просто не довел до конца, но даже не запустил? Не считая, конечно, антиалкогольной кампании. Вот там как раз все вполне свершилось.

Поступили в антиалкогольной кампании очень «мудро» – вырубали виноградники. Я говорил о глупости как о специфическом уме.

Пить было нечего, но пить стали больше. С этим как раз все понятно: это был просто-напросто очередной удар по бюджету страны, не более того. И по имиджу, кстати сказать, тоже. Недомыслие, оно недомыслие и есть. Так вот почему практически ни один реформаторский замысел не нашел воплощения? Вы были знакомы лично, вы входили в руководство крупнейшей республики Союза. Почему союзное руководство ничего в итоге не довело до конца? Причин тому, должно быть, много.

Иосиф Сталин: «Кадры решают всё». Не было у Горбачева кадров, которые могли решать всё.

Но вот персонально о лидере. Может быть, это был в принципе не тот человек – не в то время и не на том месте? Может быть, он просто испугался? В конце концов, вы помните, 7 ноября 1990 года в него стреляли. Все ли там было так серьезно или не очень – это же не имеет значения, это ведь очевидно было знаковым событием, неким сигналом. Может быть, он просто не знал как? Или все оттого, что у него была, если верить многочисленным свидетельствам, откровенно слабая, крайне неудачная команда? А разве не может быть, что на самом деле он и не собирался ничего менять? Как вам представляется? Какова ваша версия?

Моя версия: США и Запад, убедившись в слабости и уме Горбачева как в чем-то нетвердом, восторгались его пронизательностью, политической перспективностью, гениальностью. Именно такой восторг слабого человека делает сговорчивым, а если и Нобелевской премией наградить, сговорчивость растет в прогрессии. Под стать себе и подбираются кадры для спо-

движничества: Яковлев¹¹, Шеварднадзе¹², Павлов¹³ и прочие. Впоследствии восторг и гениальность Горбачева дорого обойдутся стране: договоры о сокращении ОСВ¹⁴, ядерных сил, вывод групп войск, уничтожение Варшавского договора¹⁵. Теперь НАТО – на границе с Россией. Да, вывод войск из Европы был необходим: дорогое удовольствие – содержать такую группировку вооруженных сил. Но вывести войска и вооружение можно было по-другому. Войска – не в чистое поле, вооружение – не на металлолом. Горбачев мог поставить условия вывода войск по-другому. Да, мог, если бы не прислужничал в ущерб стране.

Например, так. Первое: мы выводим войска, и США выводят свои войска из Европы. Второе: мы упраздняем Варшавский договор, и Европа прекращает отношения с НАТО. Третье: за счет Европы строятся военные гарнизоны с полной инфраструктурой на территории СССР, после чего по мере готовности объектов выводятся советские войска.

В этом контексте я хотел бы вернуться к тому, о чем мы не договорили, – о чрезвычайном положении. Я так понял по вашей реакции, что вряд ли было целесообразно вводить чрезвычайное положение в целом по стране, по крайней мере уже тогда, в 1991-м, потому что, скорее всего, ни к чему бы это не привело. Вы ведь, как человек военный и неплохо разбирающийся в общей управленческой ситуации, не могли не видеть и не оценивать состояние механизмов государственного управления.

¹¹ **Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ** (1923–2005) – заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС (с 1985 г.), секретарь ЦК КПСС (с 1986 г.), член Политбюро ЦК КПСС (с 1987 г.), народный депутат СССР (с 1989 г.), член Президентского совета СССР (с 1990 г.), государственный советник по особым поручениям при Президенте СССР (с 1991 г.), академик РАН. Считается одним из главных идеологов («архитекторов») перестройки и одним из самых близких соратников М. С. Горбачева. Наиболее известен снятием запрета на публикацию произведений *А. И. Солженицына*, *В. В. Набокова* и мн. др. отечественных писателей и мыслителей, признанием наличия и публикацией секретных протоколов к Договору о ненападении между СССР и Германией 1939 г. (*накту Молотова – Риббейтропа*), активной работой по реабилитации незаконно репрессированных в 1930-х гг. Во время событий августа 1991 г. (августовского путча) активно поддержал сторонников Б. Н. Ельцина, но в декабре того же года публично осудил подписание Беловежских соглашений. В последующие годы председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, руководитель Федеральной службы по телевидению и радиовещанию России, председатель совета директоров ОРТ, президент международного фонда «Демократия» (Фонда Александра Яковлева) и т. д.

¹² **Эдуард Амвросиевич ШЕВАРДНАДЗЕ** (1928–2014) – член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР (1985–1990). 20 декабря 1990 г. на IV съезде народных депутатов СССР объявил о добровольной отставке «*в знак протеста против надвигающейся диктатуры*». В дальнейшем дважды избирался президентом Грузии (1995–2003). В ноябре 2003 г. силами оппозиции смещен с поста президента («*Революция роз*»).

¹³ **Валентин Сергеевич ПАВЛОВ** (1937–2003) – министр финансов СССР (1989–1990), премьер-министр СССР (1991). Один из инициаторов создания и участников ГКЧП в августе 1991 г.

¹⁴ *Договоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ)* — серия двусторонних договоров между СССР и США о контроле вооружений. Всего было проведено два раунда переговоров и подписано два договора: ОСВ-I (1972) и ОСВ-II (1979). На основе этих договоров позже были разработаны соглашения об СНВ (*о сокращении стратегических наступательных вооружений*): в общей сложности подписано три договора, первый из которых (СНВ-I) – в июле 1991 г.

¹⁵ *Организация Варшавского договора – Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (ОВД)* — военно-политический блок социалистических стран, ориентированных на СССР; был создан как ответная мера на вступление ФРГ в военно-политический блок НАТО в мае 1955 г. Договор был подписан 14 мая 1955 г. в Варшаве и 5 июня того же года вступил в силу. В разные годы в ОВД входили Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия. 1 июля 1991 г. в Праге государства-участники ОВД подписали Протокол о полном прекращении действия Договора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.